

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСОВ

Юрий ЛЕВАДА

Проблема эмоционального баланса общества

Обширный эмпирический материал массовых опросов относительно распределения и динамики вербальных реакций, распознаваемых исследователями как "социальные эмоции" (страхи, радости и др.), нуждается в аналитической интерпретации, в адекватных рамках понимания. Недавно на это обратил внимание Л.Гудков*. Соображения, высказанные им, о методологической слабости психологической трактовки распространенных в исследованиях общественного мнения, в том числе и проведенных ВЦИОМ, "перечней" различных страхов представляются вполне правомерными. В настоящей статье рассматриваются некоторые рамки социологического понимания "социальных эмоций". Приводимые эмпирические данные имеют преимущественно иллюстративный или подсобный характер.

Представляется полезным обсудить особенности природы и функций "социальных страхов" различных типов в их соотношении с другими компонентами эмоционального поля общества, например, интересами, радостями, позитивными оценками и переживаниями. Можно допустить, что в социальных системах даже самые сильные и острые эмоциональные раздражители в какой-то мере уравновешивают, как бы "глушат" или трансформируют друг друга (точнее, уравновешиваются воздействия таких раздражителей на институциональную структуру общества), в результате и возникает своего рода *эмоциональный баланс* общества. Механизм, уровни, "цена" такого уравновешивания заслуживают обстоятельного анализа. В конечном счете этот анализ важен для понимания того, как общество и социальная личность способны "справляться" с различного рода эмоциональными переживаниями, сохраняя свою идентичность.

Первое и важнейшее различие, с которым приходится сталкиваться при работе с показателями, относимыми к "страхам", — это различие а) страха как определенного эмоционального состояния (настроения) и б) страха "предметного" (страха перед каким-то событием, действием).

Страх как состояние. Обратимся сначала к ранее опубликованным данным исследований ВЦИОМ (табл. 1).

Легко заметить, что в этом сложном наборе эмоциональных оценок явно преобладают негативные. Но при этом "личные чувства" заметно более оптимистичны, чем "чувства окружающих": в правой колонке позитивные оценки встречаются заметно чаще, а негативные — реже (исключение — чувство обиды, которое чаще упоминают как личное переживание). Метка "страх", отнесенная к "окружающим" (или "другим"), встречается гораздо чаще, чем отнесенная к "себе". Это приводит к предположению, что сама такая метка имеет значение только в определенном контексте, в соотношении с другими показателями соответствующего ряда. Возникает, однако, вопрос о том, какова природа такого ряда.

Практически все основные позиции приведенного выше списка характеризуют не эмоциональные реакции на определенную ситуацию, а состояния общественных настроений или обобщенных самооценок. "Страх" в

* Гудков Л. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 6. С. 46-53.

Таблица 1

Какие чувства появились, окрепли за последние годы в обществе?

(в %, сумма превышает 100%, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов, 1999 г.)

Вариант ответа	У окружающих Вас людей	У Вас лично
Надежда	10	24
Усталость, безразличие	52	38
Одиночество	5	10
Страх	29	18
Чувство собственного достоинства	3	8
Обида	26	29
Растерянность	24	20
Зависть	8	2
Отчаяние	37	26
Уверенность в завтрашнем дне	3	6
Чувство свободы	4	7
Ожесточение, агрессивность	37	13
Ответственность за происходящее в стране	2	5
Гордость за свой народ	2	3
Другое	2	3
Затрудняюсь ответить	3	5

Исследование "Советский человек"-3, 1999 г., N=2000 человек.

таким ряду — распространенное состояние неопределенно тревожного ожидания каких-то возможных негативных, неприятных событий или действий. В "ряду" с ним — другие типы общественных настроений, "негативных" (как обида, растерянность, отчаяние) или "позитивных" (надежда, ответственность, свобода и др.). Заметим сразу, что некоторые состояния не укладываются в простую дихотомию позитивных — негативных.

Разумеется, такие термины, как "страхи", "эмоции", применительно к показателям массовых опросов общественного мнения имеют метафорический оттенок. "В этих случаях исследователь вообще не касается непосредственно психологических переживаний — аффектов, эмоций или более сложных психических процессов. Речь идет о совершенно ином — о способах массовой квалификации определенных состояний общественных отношений, типов взаимодействия с другими (прежде всего с институциональными структурами), а значит, об интерпретации и объяснении взаимодействия индивида с этими структурами".

Поскольку, как правило, в массовых опросах формулировки состояний задаются респондентам исследователями, возникает подозрение относительно известной доли субъективности или "артефактности" в получаемых результатах. Однако сама устойчивость таких результатов позволяет предположить, что респонденты достаточно ясно распознают предложенные термины и соотносят с ними определенные собственные настроения.

Сошлось на два динамических ряда общественных настроений, которые регулярно отслеживаются в исследованиях ВЦИОМ.

В рамках программы "Мониторинг" каждые два месяца респондентам (выборка из 2400 человек) предлагается

* Гудков Л. Указ. соч. С. 47.

Каким было Ваше настроение в последние дни?
(в % от числа опрошенных в каждом месяце)

Вариант ответа	1998 г.						1999 г.						2000 г.
	Январь	Март	Май	Июль	Сентябрь	Ноябрь	Январь	Март	Май	Июль	Сентябрь	Ноябрь	Январь
Прекрасное	4	4	4	4	3	3	3	3	4	5	4	4	5
Нормальное, ровное	35	37	36	39	24	33	33	34	36	34	37	40	45
Напряженное	42	41	43	41	48	43	44	42	39	45	40	39	33
Страх, тоска	11	10	12	9	20	13	13	14	11	11	12	9	10
Затруднились ответить	8	8	6	7	5	9	7	8	10	6	7	8	7

оценить *собственное* настроение в последние дни (табл. 2).

Для дальнейшего анализа уместно представить средние показатели настроений по годам (табл. 3).

В рамках программы "Экспресс" (выборка из 1600 человек) ежегодно ставится вопрос о чувствах, которые, по мнению респондента, "появились, окрепли у (окружающих) людей за минувший год". Отметим, что такая постановка вопроса ставит респондента в квазиэкспертное положение, предлагая ему оценить не собственное, а *чужое* ("общее") настроение.

Сопоставление данных, приведенных в табл. 3 и 4, позволяет прежде всего сделать вывод о феноменальной ус-

Таблица 3

Настроение в последние дни по годам*
(в % от числа опрошенных в соответствующие годы)

Вид настроения	1994-1996 гг.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	Январь 2000 г.
Прекрасное	3	4	4	3	5
Нормальное	36	38	34	36	45
Напряженное	41	40	43	41	33
Страх, тоска	10	11	12	12	10
Затруднились ответить	10	8	7	8	7

* Средние значения данных за 3 года, далее по годам.

Таблица 4

Чувства, которые появились, окрепли у окружающих
(в % от числа опрошенных в соответствующем году)

Вид чувства	Годы								
	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	
Надежда	17	15	16	21	20	17	13	28	
Усталость, безразличие	55	52	40	41	43	42	45	39	
Страх	26	22	22	19	17	16	24	18	
Растерянность	24	20	18	17	16	18	24	17	
Озлобленность	30	39	10	28	29	27	35	23	

тойчивости наблюдаемых показателей общественных настроений на протяжении ряда лет. Относительно стабильными являются и пределы колебания доли опрошенных, определяющих собственное состояние в терминах страха.

Ранее (см. табл. 1) мы уже видели, что люди склонны собственное настроение чаще, чем настроения других, представлять в позитивных терминах. Поэтому и страх в динамике собственных настроений указывается заметно реже, чем в динамике настроений окружающих, других. Аналогичные различия наблюдаются и в тех случаях, когда респонденты оценивают свое экономическое положение и сравнивают его с положением в их городе или районе и тем более с положением в стране. По всей видимости, люди оценивают собственное состояние исходя из личного опыта, а состояние других — в значительной мере основываясь на стереотипах общественного мнения или масс-медиа.

Как видно из данных табл. 2, распределение носителей различных общественных настроений в общем массиве опрошенных (и, соответственно, в населении страны) заметно изменяется только в ситуациях больших общественных катаклизмов (как осенью 1998 г., которую мы рассмотрим специально несколько позже). Ответы респондентов относительно настроений часто не вполне определены (одновременно указывается больше одной позиции), что дает возможность выявить взаимные соотношения оценок.

"Предметные" страхи: природа и динамика. Сопоставим данные о событиях и акциях, порождающих страх у

населения России, по данным трех волн исследования "Советский человек" (табл. 5).

Из-за различия в методических средствах опрос 1989 г. позволяет представить только "иерархию" (по частоте упоминаний) страшаших событий. Данные 1994 и 1999 гг. — средние показатели, построенные на основе 5-балльной шкалы (от "совершенно не испытываю страха" до "испытываю постоянный страх").

Конечно, к списку "предметных" страхов могут быть предъявлены те же методологические претензии, что и к списку настроений: позиции сформулированы исследователями, число позиций могло быть иным, если, скажем, добавить страх перед СПИДом или наркоманией, террористическими актами, военной диктатурой и т.д. — соответственно новейшим настроениям и обстоятельствам. Но дело не в количестве выделяемых позиций ("предметов" страха), а в характере отношений к ним и сравнительной динамике таких отношений.

Позиция "*болезни близких, детей*" как источник страха введена в список как некий универсальный и естественный инвариант, практически неизменная точка отсчета: лишь 2–3% опрошенных (видимо, одиноких людей) утверждают, что совершенно не испытывают такого страха, а более половины (56% в 1994 г. и 63% в 1999 г.) утверждают, что испытывают его постоянно. Несколько реже отмечается страх перед собственными болезнями, не подвержены ему лишь 10–11% (в обоих случаях доля затруднившихся ответить составляет 10–11%). Естественный

"Предметы" страхов российского населения 1989-1999 гг.
(в % от числа опрошенных в соответствующем году)

"Предметы" страхов		Индекс	"Предметы" страхов	
1989 г.	1994 г.		1999 г.	
Болезни близких	Болезни близких	4,3	Болезни близких	4,5
Мировая война	Нападение преступников	3,9	Безработица, бедность	4,1
Свои болезни	Произвол властей	3,7	Свои болезни	3,9
Стихийные бедствия	Болезнь, смерть	3,6	Произвол властей	3,8
Старость	Мировая война	3,6	Нападение преступников	3,6
Гибель человечества	Безработица, бедность	3,5	Мировая война	3,6
Произвол властей	Насилие на национальной почве	3,4	Насилие на национальной почве	3,3
Страдания, боль	Публичные унижения	3,2	Стихийные бедствия	3,1
Публичные унижения	Возврат к массовым репрессиям	3,2	Публичные унижения	3,0
Нападение преступников	Стихийные бедствия	3,1	Возврат к массовым репрессиям	2,9

Исследования "Советский человек" 1989, 1994, 1999 гг.

страх перед болезнями близких и собственными за последние пять лет стал несколько более распространенным, очевидно, под влиянием таких социальных факторов, как кризис системы здравоохранения, дороговизна лекарств и пр. Постоянный страх по своей природе в данном контексте означает, что люди считают весьма вероятным наступление определенных негативных обстоятельств и относительно часто (далеко не всегда и, скорее всего, не в должной мере) используют какие-то превентивные меры.

Иную природу имеет *"страх мировой войны"*: это один из важнейших идеологических фантомов времен "железного занавеса", порожденных пропагандой и дефицитом объективной информации о состоянии международных отношений. По мере ослабления действия подобных факторов частота упоминания данного страха уменьшается, показатель опускается со второго места на пятое, потом на шестое. Однако, как показывают исследования разных лет, особенно последних месяцев, в атмосфере активной ксенофобии страх перехода обострившихся отношений между Россией и западными странами в военный конфликт остается серьезным фактором формирования общественного мнения. В данном случае страх означает не только допущение вероятности военного конфликта мирового масштаба, но и, что наиболее важно, готовность подержать (хотя бы декларативно) конфронтационные установки государственного руководства. Собственно эмоциональный компонент здесь мало присутствует.

Страх *"стихийных бедствий"* занял одно из первенствующих мест в массовых опросах после чернобыльской катастрофы (на деле не стихийной, а техногенной), которая оказалась в центре общественного внимания в годы гласности. Однако оформившиеся в те годы экологические настроения не получили серьезного развития, не воплотились в эффективные экологические и подобные им движения. Экономические перемены и потрясения привели к спаду общественного внимания к проблеме природных и техногенных бедствий. В нынешней ситуации страх перед стихийными бедствиями — это фактически признание беспомощности человека и общества перед возможными угрозами (а потому и нежелание задумываться над ними).

Страх перед *массовыми репрессиями* — это, по существу, неверие в прочность перемен последних десятилетий, признание возможности возврата сталинизма или формирования подобного режима. В разной мере его испытывали 63% в 1994 г. и 54% в 1999 г., причем распространенность "постоянного страха" снизилась с 23 до 18%. В опросе 1989 г. опасения возврата к массовым репрессиям оказались во втором десятке списка наибольших стра-

хов (на 13-м месте — всего 12% упоминаний), в 1994 и 1999 гг. — на последних местах в первом десятке перечисленных позиций.

Если страх массовых репрессий имеет историческую природу, то страх перед *произволом властей* оказывается продуктом непреходящих и даже растущих обстоятельств социальной реальности. Беззащитность человека перед государственным насилием, поборами и прочим усилилась, так что отмеченный в исследованиях рост рейтинга (и индекса) соответствующего показателя вполне понятен. Наиболее распространенная для современного россиянина (как и для "человека советского") реакция на государственный произвол — не апелляция к закону, а что-то вроде "покорного лукавства", т.е. стремление каким-то образом уклониться или откупиться от незаконного насилия, не оспаривая его впрямую.

Стоит остановиться на новой и явно усиливающейся позиции в списке страхов — страхе перед *безработицей и бедностью*. Источник его роста не нуждается в объяснении. В 1995 г. такой страх в разной мере испытывали 78% (в том числе постоянно — 32%), в 1999 г. — 85% (постоянно — 49%). Массовые опасения утраты рабочего места, а вместе с ним и социального статуса, уровня благосостояния — вполне рациональны, обоснованы, неизбежны при наличных социально-экономических обстоятельствах в любом месте и в любое время. Вопрос лишь в том — какие реакции стимулируют такие опасения?

Еще один пример направленного страха в ряду с другими эмоциональными реакциями дают другие показатели исследования (табл. 6).

Как видим, в отношении каждой из перечисленных групп раздражение и гнев выражены заметно сильнее, чем страх.

В принципе предметные, направленные страхи как опасения возможных нежелательных ситуаций или действий в различных формах присущи людям во все времена и при любых общественных условиях. Ничего не боятся лишь неразумные малые дети или невменяемые. Любой "предметный" страх можно интерпретировать как сигнал о наличии какой-то опасности и, соответственно, как стимул к определенным действиям, которые способны эту опасность оценить, устранить, уменьшить, упредить и т.д. Все эти положения совершенно тривиальны. Проблема — практическая и исследовательская — в определении функций таких сигналов в различных ситуациях, общественных и личностных системах социального действия. А также в способах сочетания и взаимодействия "ограничивающих" сигналов (страхов) с действующими в со-

Какие чувства чаще всего вызывают у Вас...

(в % от числа опрошенных в соответствующей группе; позиция "затрудняюсь ответить" не приводится)

Группы людей	Уважение	Симпатия	Сочувствие	Зависть	Раздражение	Гнев	Страх
Современная молодежь	5	19	39	3	15	6	10
Люди с портретами Сталина	12	8	21	0	19	17	3
Люди со свастикой	4	3	3	0	19	47	13
Разбогатевшие	11	8	2	8	25	27	3
Люди с Кавказа	6	3	6	0	34	17	8
Бомжи, нищие	0	1	66	1	15	6	5

Исследование "Советский человек"-3.

циальных системах сигналами иного рода — стимулирующими, поощряющими и пр.

Для дальнейшего анализа интересующей нас проблемы представляется целесообразным различать страхи "хронические" и "острые".

Страх, который признается респондентами как постоянный и повсеместный, чаще всего можно отнести к "хроническому" типу: определенная угроза считается более или менее вероятной, но не действующей. Хронический страх способен стать привычным. Реакцией на хронический страх могут быть либо подготовительные меры (например, формирование социальных организаций или систем социального страхования и защиты и т.п.), либо упование на то, что беда "пройдет мимо" или окажется не столь страшной. Известно, что российская история и психология, как правило, отдавали предпочтение второму варианту поведения.

"Острый" страх перед каким-либо действием или событием (пароксизм страха, испуг), в отличие от хронического, проявляется в напряженных ситуациях и приводит к экстраординарному напряжению сил носителя соответствующего состояния — человека, группы, социума. Уже поэтому он не может быть длительным. Острый страх способен мобилизовать ресурсы защиты и противодействия угрозе в экстремальной ситуации, но может вести и к растерянности, панике, неконтролируемой агрессии.

Вероятно, выделенные типы являются скорее крайними позициями в некотором спектре состояний, где имеются промежуточные типы "напуганного" поведения, а также механизмы трансформации, переходов от одного типа к другому.

"Носители" страхов. Рассмотрим данные о распространенности страха как состояния в различных социально-демографических группах (для сравнения приведены также данные о чувстве надежды) (табл. 7).

Очевидно, что состояние страха чаще относят к себе женщины, люди старшего возраста, с более низким уровнем образования, иначе говоря, обладающие относительно меньшим запасом социальных ресурсов. К таким ресурсам относится также уровень благосостояния.

Стоит заметить, что чувство надежды, которое выглядит оптимистической оппозицией страху, разделяется в первую очередь женщинами, малообразованными, людьми среднего возраста, т.е. категориями населения с относительно бедными социальными ресурсами. Это значит, что мы имеем дело с надеждой на милость, на заботу, на счастливый случай ("авось"), но не с надеждой на собственные силы.

Несколько сложнее картина распространенности "предметных" страхов. В табл. 8 отмечены крайние позиции задававшейся респондентам шкалы.

Страх перед стихийными бедствиями распределен между группами примерно так же, как и настроенческий (состояние страха): в большей мере его испытывают женщины старшей возрастной категории, менее образован-

Таблица 7

Какие чувства окрепли у Вас лично за последние годы? (в % от числа опрошенных в соответствующей группе)

Социальные группы	Надежда	Страх
Всего	38	18
Пол:		
мужчины	33	10
женщины	42	25
Возраст:		
до 40 лет	33	13
40 лет и старше	43	23
Образование:		
высшее	32	13
среднее	35	18
ниже среднего	44	20

Исследование "Советский человек"-3.

ные. Подверженные чувству страха также чаще опасаются таких бедствий.

Безработицы и бедности опасаются в большей степени менее образованные, испытывающие настроенческий страх женщины, причем чаще, чем мужчины. Пониженный уровень страха в укрупненной возрастной группе старше 40 лет объясняется значительной долей пенсионеров.

Иначе распределены страхи перед возвратом массовых репрессий. Возрастные различия и подверженность настроенческим страхам не имеют видимого значения, высокообразованные опасаются больше, чем малообразованные. Этот страх связан не с практическим повседневным опытом, а с исторической памятью, поэтому его носителями выступают более интеллектуальные группы. Можно сказать, что в данном случае это ресурсно "слабые" группы, поскольку таким ресурсом является блокировка или отсутствие исторической социальной памяти.

"Не страхом единым". Представляется как будто очевидным, что показатель страха коррелирует в общественном мнении преимущественно с другими негативными настроениями. Соотношения состояния страха с другими негативными переживаниями у окружающих людей, как они представляются респондентам, видны из табл. 9, а "своего" страха со "своими" негативными переживаниями выражены заметно слабее, но порядок величин остается тем же (табл. 10).

Как видим, основные "спутники" страха — усталость, отчаяние, растерянность. В меньшей мере страх связан с агрессивностью (к последнему мы вернемся позже). Значительно слабее выражены корреляции между чувствами страха и показателями позитивных настроений. Так, из тех,

Бойтесь ли Вы и в какой мере...
(в % от числа опрошенных в соответствующей группе)

Вариант ответа по социальным группам	Совершенно не боюсь	Испытываю постоянный арах	Вариант ответа по социальным группам	Совершенно не боюсь	Испытываю постоянный страх	Вариант ответа по социальным группам	Совершенно не боюсь	Испытываю постоянный страх
а) стихийных бедствий?			б) безработицы, бедности?			в) возврата к массовым репрессиям?		
Всего	20	20	Всего	7	49	Всего	23	18
<i>Пол:</i>			<i>Пол:</i>			<i>Пол:</i>		
мужчины	29	13	мужчины	9	42	мужчины	26	16
женщины	14	26	женщины	5	55	женщины	21	21
<i>Возраст:</i>			<i>Возраст:</i>			<i>Возраст:</i>		
до 40 лет	25	21	до 40 лет	8	52	до 40 лет	24	19
40 лет и старше	16	19	40 лет и старше	6	46	40 лет и старше	22	18
<i>Образование:</i>			<i>Образование:</i>			<i>Образование:</i>		
высшее	23	12	высшее	И	40	высшее	26	20
среднее	23	21	среднее	8	52	среднее	24	20
ниже среднего	17	21	ниже среднего	4	49	ниже среднего	21	16

Исследование "Советский человек"-3. 1999 г. (N=2000 человек).

Таблица 9

Соотношения эмоциональных состояний у окружающих
(в % от числа опрошенных, назвавших определенное состояние)

Показатель	Усталость	Страх	Обида	Растерянность	Отчаяние	Агрессивность	Всего
Усталость	100	28	25	25	36	34	52
Страх	49	100	25	20	40	29	29
Обида	49	28	100	18	37	22	26
Растерянность	56	25	20	100	30	28	24
Отчаяние	50	32	26	19	100	31	37
Агрессивность	48	23	16	18	32	100	37

Исследование "Советский человек"-3. 1999 г. (N=2000 человек).

Таблица 10

Соотношения своих негативных переживаний
(в % от числа опрошенных, назвавших соответствующее эмоциональное состояние)

Показатель	Усталость	Страх	Обида	Растерянность	Отчаяние	Агрессивность	Всего
Усталость	100	18	34	21	33	12	38
Страх	38	100	33	19	35	12	18
Обида	44	20	100	19	35	9	29
Растерянность	39	16	26	100	23	6	20
Отчаяние	47	24	35	18	100	12	26
Агрессивность	37	16	20	9	26	100	13

Исследование "Советский человек"-3. 1999 г. (N=2000 человек).

кто описывает собственное состояние в терминах страха, только 11% отмечают наличие чувства надежды, 2% — уверенности, 2% — свободы, по 1% — ответственности и уверенности. При характеристике "чужих" чувств страх еще реже сочетается с позитивными переживаниями.

Заметим, однако, что такие соотношения получаются при анализе ответов на *вопросы одного списка*, т.е. стоящие рядом и порождающие определенную взаимную индукцию при ответах. Если же сопоставить ответы на вопросы, размещенные достаточно далеко друг от друга, в разных концах анкеты, соотношение эмоциональных оценок может оказаться иным: люди, описывающие собственное состояние в терминах страха, в то же время испытывают и позитивные эмоции (табл. 11).

Оказывается, немалая часть подверженным страхам и прочим негативным переживаниям способна испытывать и наиболее позитивные чувства, считая себя счастливыми людьми...

Если же сопоставить распространенность "предметных" страхов с позитивными самооценками, получаются как бы еще более парадоксальные результаты (табл. 12).

У испытывающих страх позитивные интересы и чувства отмечаются заметно реже, чем у "бесстрашных". В значительной мере это обусловлено социальным и демографическим составом "носителей" страхов, а таковыми, как мы видели, чаще всего оказываются более слабые возрастные, гендерные, образовательные, имущественные группы.

Если верно приведенное выше соображение о том, что никто не может жить без "сигналов" страха, то верно и то, что никто, если, конечно, исключить предельные аномальные ситуации, не может существовать *только* "сигналами" страха или *только* под их воздействием. Хронические страхи обычно включены в общую сеть эмоционально окрашенных ожиданий, оценок, установок, стимулов, действующих в определенном социальном поле. Функции страхов в таком поле состоят не только в предупреждении об опасности

Таблица 11
Эмоциональные состояния и самооценки*
(в % по строке)

Какие чувства появились у Вас за последние годы?	Чувствуете ли Вы себя...	
	счастливым?	несчастливым?
Надежда	63	23
Усталость, безразличие	41	43
Страх	35	47
Чувство достоинства	69	18
Обида	37	46
Растерянность	47	41
Зависть	78	18
Отчаяние	33	52
Уверенность в завтрашнем дне	77	17
Свобода	63	21
Ожесточение, агрессивность	46	44
Ответственность	57	30
Гордость за свой народ	50	37
Всего	49	38

* В таблице объединены позиции "совершенно счастлив" и "скорее счастлив", "скорее несчастлив" и "совершенно несчастлив".

Исследование "Советский человек"-3. 1999г.

(функции ограничителей, ингибиторов в трактовке З.Фрейда), но и в стимулировании противодействия опасности. Как отмечалось выше, можно допустить, что в каждой относительно устойчивой системе социальных норм и отношений (да и в динамической структуре социального человека) существуют "незримые регуляторы", обеспечивающие некоторый баланс эмоциональных раздражителей и реакций разного рода — как бы "баланс" страхов и радостей, который служит неперменным условием существования человека в стабильной или, напротив, бурно изменяющейся социальной обстановке.

Как было показано ранее в исследованиях по программе "Советский человек", источники напряженности носят чаще всего социальный характер, а источники радостей и удовлетворенности — преимущественно личные, семейные*. По данным исследования 1999 г., самые распространенные "предметы" страхов, не считая болезни и смерти, — безработица и бедность (85% "охвата"), произвол со стороны властей (76%), нападение преступников (74%). В то же время предметы, доставляющие "наибольшую радость, удовольствие", — дети (35%), "хорошие деньги" (33%), сад, огород (28%). Работа "в полную силу" приносит радость 18%, а участие в политической жизни — менее чем 1%. Причем из отмечающих страх как собственное состояние дети доставляют радость 38%, сад, огород — 37%, "хорошие деньги" — 36%. Считают себя свободными людьми 24% (в среднем по всему массиву — 36%), счастливыми — 36% (49%).

Повседневные заботы и радости как бы блокируют негативные переживания, ограничивая их воздействие на человека. Вместе с тем, как показано выше, заметная часть людей, испытывающих страх и считающих себя несчастными, придает значение работе, общественному признанию и т.д. "Предметные" же страхи нередко прямо связаны с достижениями — если за ними стоят опасения утратить приобретенный статус, накопленное имущество. Например, страх перед возвращением к массовому террору чаще испытывают люди, ценящие избавление от ста-

* См.: Голое А. Постоянные страхи россиян // Социальные и экономические перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 2. С. 30-32.

Таблица 12
"Предметные" страхи и самооценки*
(в % по строке)

Бойтесь ли Вы и в какой мере...	Чувствуете ли Вы себя...	
	счастливым?	несчастливым?
Безработицы, бедности?		
...совершенно не боюсь	58	28
...испытываю постоянный страх	44	46
Болезни, мучений, смерти?		
...совершенно не боюсь	61	31
...испытываю постоянный страх	46	42
Возврата к массовым репрессиям?		
...совершенно не боюсь	50	39
...испытываю постоянный страх	47	39
Произвола властей?		
...совершенно не боюсь	55	34
...испытываю постоянный страх	49	42
Всего	49	38

* В таблице объединены позиции "совершенно счастлив" и "скорее счастлив", "скорее несчастлив" и "совершенно несчастлив".

Исследование "Советский человек"-3. 1999г.

линского режима. Страх перед нападением преступников больше беспокоит тех, кому "есть что терять".

Другой вариант трансформации эмоциональных установок и состояний — переход "острых" страхов в "хронические", привычные (рутинизация) и, наоборот, актуализация и конкретизация потенциальных опасений (обострение). Происходит, например, рутинизация страха в отношении мировой войны, но в определенных условиях (наподобие сегодняшних) он может обостряться. Подобные превращения можно увидеть в этнических фобиях, комплексе врага, страхе безработицы и пр.

Нарушение "эмоционального баланса" человека разрушает личность, аналогичным образом нарушение баланса эмоциональных состояний разрушает стабильность общества. Такая аналогия, впрочем, весьма условна (как и любая "органическая" модель социальной системы).

Этнические установки и фобии. Влияние состояния (настроения) страха на уровень этнической ксенофобии позволяют проследить данные одного из исследований ВЦИОМ 1997 г. (табл. 13). Для большей методологической чистоты рассматриваются только данные о респондентах, имеющих один уровень образования — полное среднее.

Таблица 13
Страх и этнофобии*
(в %)

Суждения	I	II
Приезжие с Кавказа имеют слишком большое влияние	50	66
Евреи имеют слишком большое влияние	18	37
Часто обращают внимание на национальность при знакомстве	13	10
Нерусский не может быть патриотом России	27	42
Отрицательно относятся к евреям	14	13
Отрицательно относятся к чеченцам	49	62

* N=700 человек со средним образованием.

I — респонденты со средним образованием;

II — респонденты со средним образованием, испытывающие страх.

Исследование "Советский человек"-3. 1999г.

Этноцентризм и негативные этнические установки больше выражены среди испытывающих состояние (настроение) страха. Причем это в первую очередь относится к установкам по отношению к чеченцам, хотя опрос проводился в мирном 1997 г., и в меньшей мере по отношению к евреям.

Анатомия "катастрофических" страхов осени 1998 г. Финансово-экономический кризис, разразившийся в России после 17 августа 1998 г., привел к самому резкому за весь период наблюдений падению позитивных показателей общественных настроений и невиданному всплеску негативных эмоций, в первую очередь — страха (см. табл. 2). Но уже в конце осени (примерно с ноября 1998 г.) общественные настроения стали постепенно улучшаться. Примечательно, что изменения в настроениях в обоих направлениях начинались до соответствующих сдвигов в экономике. К началу 2000 г. показатели настроений вышли примерно на докризисный уровень начала 1998 г.

Данные табл. 14 показывают, в какой мере настроение страха после августа 1998 г. охватило, а затем "отпустило" различные социальные и демографические группы.

Наиболее резкий всплеск настроений страха наблюдался осенью 1998 г. у самых социально активных групп — у мужчин, молодых, образованных, т.е., видимо, у питавших наибольшие надежды на успех и улучшение собственного положения. В группе с относительно высокими доходами настроения страха усилились в меньшей мере, чем в средней доходной группе. Можно допустить, что высокие доходы и сбережения (в том числе в валюте) отчасти стабилизировали влияние кризиса. Во всех группах, за исключением самой старшей возрастной, распространенность страха как настроения в начале 2000 г. была не большей, чем в начале 1998 г. (табл. 15).

Данные табл. 15 как бы продолжают и кое в чем поясняют материал табл. 14. Менее всего испытали взрыв страха занимавшие лидирующие позиции (а значит, обладатели страховых ресурсов) и самые обездоленные — неквалифицированные рабочие (которым было почти "нечего терять").

Приведенные данные табл. 15 фиксируют лишь крайние точки кратковременного процесса бурного подъема и более медленного (с конца 1998 г. до начала 2000 г. — более года) спада настроений массового страха, вызванных экономическим кризисом. Сложнее объяснить, чем обусловлена последующая "нормализация" настроений, поскольку реальные экономические компоненты кризиса (инфляция, спад производства и т.д.) в большей мере сохранились.

По всей видимости, в переломе общественных настроений сыграли роль:

- преувеличенность тревожных ожиданий, которые не реализовались (экономической катастрофы, всеобщего коллапса не произошло);
- определенное оживление производства и потребительского рынка в изменившихся ценовых условиях;
- частичное покрытие внутреннего долга государства (задолженности по пенсиям и зарплате) за счет дополнительных доходов, "нефтедолларов";
- изменение морально-политической ситуации в стране с осени 1999 г. (об этом феномене речь пойдет ниже).

Функции страха в чеченском кризисе 1999 г. Перелом в общественно-политическом развитии России, который определился осенью 1999 г., непосредственно связан с пароксизмом массового страха после известных провокационных взрывов в Москве и других городах. Впервые (видимо, за все годы после Второй мировой войны) значительная часть населения ощутила непо-

Таблица 14

Динамика настроений страха* по группам населения
(в % от числа опрошенных в соответствующей группе, N=2400 человек)

Социальные группы	1998 г.		2000 г.
	Январь	Сентябрь	Январь
Всего	11	20	10
<i>Пол:</i>			
мужчины	5	12	7
женщины	14	27	12
<i>Возраст:</i>			
до 25 лет	4	9	3
25-39 лет	6	14	4
40-54 года	14	16	9
55 лет и старше	16	34	19
<i>Образование:</i>			
высшее	7	12	6
среднее	11	17	6
ниже среднего	15	26	15
<i>Уровень дохода:</i>			
низкий	12	18	9
средний	12	21	10
высокий	6	9	9

* Указавшие, что в последние дни испытывают "страх, тоску".

Таблица 15

Динамика настроений страха по статусным группам
(в % от числа опрошенных в соответствующей группе, N=2400 человек)

Группы по социально-профессиональному статусу и роду занятий	1998 г.		2000 г.
	Январь	Сентябрь	Январь
Руководители	5	8	6
Специалисты	6	15	2
Служащие	17	21	8
Квалифицированные рабочие	6	11	6
Неквалифицированные рабочие	13	18	7
Учащиеся	4	14	1
Пенсионеры	18	37	20
Домохозяйки	11	11	9
Безработные	11	16	8

средственную физическую угрозу собственной жизни и благополучию.

Как известно, организаторы провокационных взрывов не были обнаружены (и по мнению большинства опрошенных, никогда и не будут найдены). Непосредственно после этих акций большинство населения (76%) было готово обвинять в них чеченских "боевиков" (Басаева, Хаттаба), реже — российские криминальные структуры (25%), политические силы, стремившиеся дестабилизировать положение в стране и сорвать парламентские выборы, назначенные на декабрь 1999 г. (18%), президента Б.Ельцина и его администрацию (16%); только 10% подозревали причастность "официальных властей Чечни, Масхадова", а 3% — российские службы безопасности ("Экспресс", сентябрь 1999 г., N=1545 человек).

Вот как распределились опасения в отношении действий предполагаемых террористов на примере оценок дей-

ствий "северокавказских экстремистов" (в % к числу опрошенных, сентябрь 1999 г., N=1545 человек):

Суждение	%
...непосредственно угрожают моей жизни и жизни моих близких	27
...угрожают целостности страны	39
...подрывают экономическое благополучие России	24
...оскорбляют мои патриотические чувства	2
...никак меня не затрагивают	3
Затруднились ответить	5

Чуть более четверти опрошенных указывают на личную угрозу со стороны боевиков, большинство отмечает страхи "государственного" значения.

Правда, если вопрос поставить иначе и спрашивать, бояться ли респонденты того, что они или их близкие могут оказаться жертвами террористического акта, то оказывается, что этого "очень боятся" 42%, а "в какой-то мере опасаются" еще 44%.

Можно обнаружить определенную связь между настроением "страха" и чувствами "ненависти" и "мести" по отношению к чеченским боевикам. В ноябре 1999 г. почти две трети опрошенных утверждали, что испытывают (34% — "определенно" и еще 28% — "скорее") "чувство мести, ненависть" к чеченским террористам. Примерно столько же отметило наличие у себя страха перед этими террористами (31% — "определенно" и 29% — "скорее"). Взаимосвязь этих позиций видна в табл. 16.

Те, кто больше боится террористов, заметно чаще испытывают и жажду мести.

Спустя четыре месяца (в начале марта 2000 г.), когда вопросы были повторены, соотношение эмоциональных реакций изменилось: ненависть и жажду мщения по отношению к боевикам отметили 35%, а страх перед ними испытывали уже 74%. Причем в соответствии с ходом событий изменились и поводы этого страха: это уже не боязнь таинственных взрывов, а боязнь того, что чеченцы будут мстить за жертвы и разрушения (табл. 17).

Попытаемся выяснить, какие по своему значению страхи ("личные" или "государственные") больше влияют на реальное поведение и на намерения людей в данной ситуации. На первый взгляд кажется правдоподобным, что непосредственный личный страх за собственную жизнь и жизни близких стимулировал вспышку острой ненависти к предполагаемым террористам и служил оправданием самых жестких ответных действий. Однако оказывается, что не видно заметной разницы в установках тех, кто "очень боится" стать жертвой террора, и тех, кто исключает эту возможность (из числа первых 48% поддержали бы высылку чеченцев из русских регионов в Чечню, из вторых — 46%, применение тяжелых авиабомб — 16% и 23%, атомных бомб — 2% и 6% и т.д.).

Таблица 16

От страха к мести (ноябрь 1999 г.)
Испытываете ли Вы чувства ненависти,
мести к чеченским боевикам?
(в % по строке)

Вариант ответа	Испытывают чувства ненависти и мести*	
	Да, скорее да	Нет, скорее нет
Всего	62	28
Испытывают страх	71	22
Не испытывают страха	53	43

* Объединены позиции "определенно да" и "скорее да", "определенно нет" и "скорее нет".

"Экспресс", ноябрь 1999 г., N=1600 человек.

„От страха к мести (март 2000 г.)
Испытываете ли Вы чувства ненависти,
мести к чеченским боевикам?
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Испытывают чувства ненависти и мести*	
	Да, скорее да	Нет, скорее нет
Всего	35	57
Испытывают страх	38	55
Не испытывают страха	27	70

* Объединены позиции "определенно да" и "скорее да", "определенно нет" и "скорее нет".

"Экспресс", март 2000 г., N=1600 человек.

Можно полагать, что *непосредственной связи между реакцией "страха" и установками на массированный "анти-террор" не существует*. Посредником является общественно-политическая атмосфера (отчасти искусственно создаваемая пропагандой, актуализацией хронических фобий и пр.). Эмоциональный взрыв массового страха послужил скорее инструментом организованных "уроков ненависти" (в терминологии Дж.Оруэлла), чем их причиной.

Приведем список причин, вызывавших наибольшие (предметные, направленные) страхи в сентябре 1998 г. (в % к числу опрошенных; "Экспресс", март 2000 г., N=1600 человек):

Причины, порождающие страх	%
Ускоренный рост цен	62
Разгул преступности	60
Волна террористических актов, дестабилизация положения в стране	48
Дальнейший рост безработицы	44
Широкомасштабная война на Северном Кавказе	41
Продолжение спада производства, закрытие предприятий	40
Приход к власти фашистов, экстремистов	25
Усиление экономической и политической зависимости от Запада	19
Народный бунт	15
Введение в стране чрезвычайного положения, диктатуры	14

Показательно, что даже в таком "взорванном" месяце, как сентябрь 1998 г., ровно половина упоминаний в первом десятке страхов — это обычный для российского общества набор экономических тревог, остальные позиции занимают страхи, специфические для общественно-политической атмосферы момента. Отметим, что большая война на Кавказе тогда еще казалась всего лишь возможной; правительство Путина многократно заявляло, что такая война исключена.

Как видим, уровень тревожного беспокойства за два месяца почти стабилен. Это состояние близко к неопределенному, диффузному страху, источники и последствия которого не фиксированы специально (это может быть и страх перед самим фактом военных действий, потерями, террористическими и общеполитическими последствиями конфликта и т.д.)

Спустя полгода после начала последней чеченской войны она все еще имеет значительную поддержку среди населения России (табл. 18). Однако, судя по приведенным данным, эмоциональная составляющая этой поддержки претерпела примечательные изменения. Непосредственный страх перед актами террора, отчасти сыгравший триггерную роль в начале кампании, явно утратил свое значение. Установка на доведение силовой акции "до конца" подкрепляется атмосферой ожесточения, а отчасти и страха перед возможными актами мести со стороны

Таблица 18

Какие чувства вызывают у Вас сообщения о действиях российских войск в Чечне?
(в % от числа опрошенных в каждом месяце)

Варианта ответа	1999 г.		2000 г.
	Октябрь	Декабрь	Март
Восхищение	3	3	2
Удовлетворение	21	24	15
Тревогу	55	52	63
Стыд	9	7	7
Никаких особых чувств	8	8	7
Затруднились ответить	4	5	6

"Экспресс", март 2000 г., N=1600 человек.

чеченцев. Но, видимо, более важной оказывается сложившаяся за эти месяцы "рациональная" составляющая агрессивной установки — представление о *безальтернативности* принятого курса на военное решение национально-политических проблем. Подкрепляется это представление тем, что никакая авторитетная политическая сила не предложила населению и политической элите России никакого иного варианта. Здесь (как и в ситуации с поддержкой нового президента) кое в чем повторяется известная из недавней истории ситуация безальтернативного "выбора". Эмоциональной составляющей такого выбора служит не столько "всеобщий энтузиазм", сколько всеобщее ощущение отсутствия иного выхода...

Радости и огорчения: баланс "общих" и "своих". Разграничение и взаимосвязь эмоциональных состояний разного уровня ("у себя" и "у других", "для себя" и "для страны"), о которых уже упоминалось, имеют принципиальное значение для обеспечения эмоционального равновесия общества. Рассмотрим два ряда данных, полученных на протяжении нескольких недель (табл. 19 и 20).

Примечательно, что этот ряд показателей не обнаруживает практически *никакой динамики*, если не считать чеченской ситуации, этой пульсирующей болевой точки на карте эмоциональных состояний населения. Тем интереснее сопоставление радостей и огорчений.

Более всего *раду*ют людей простые и близкие проблемы — семья, друзья — сотрудники, работа — учеба. Более всего *огорчают* — материальное положение собственной семьи, экономическое положение страны и, разумеется, война в Чечне (некоторые колебания индикаторов последней позиции, видимо, связаны с динамикой информации об успехах и потерях). О здоровье люди думают скорее, когда оно не в порядке, поэтому состояние здоровья чаще упоминается в ряду огорчений.

Личные заботы безусловно преобладают над "общими". Отсюда и практически действующие "приоритеты" социальных эмоций и механизм их трансформации — вытеснения, замещения, переоценки.

Сфера личных (семейных, домашних) забот, страхов и радостей постоянно отгораживает человека от переживаний общеполитического, государственного и других уровней. "Общие" заботы как бы прорываются на личностный уровень в экстраординарных ситуациях — крупные бедствия, войны. (Экономическое положение России выступает как непосредственная, "своя" забота, поскольку это не просто тревожная информация по телевидению, а уровень потребительских цен, инфляции, безработицы, невыплат и пр.)

Если использовать в качестве пояснения вариант продуктивной метафоры, можно представить эту ситуацию следующим образом. Обитатели большого дома живут в

Таблица 19

Положение дел в каких областях более всего радует Вас в последнее время?
(в % от числа опрошенных в каждом опросе)

Вариант ответа	I	II	III	IV	V
На международной арене	4	4	4	3	4
Политическое положение в России	4	5	4	6	5
Экономическое положение в России	2	3	2	3	4
Положение в городе, районе	6	6	5	5	5
Военные действия в Чечне	7	17	18	13	10
Материальное положение семьи	5	6	5	7	7
Успехи в работе (учебе)	15	13	12	15	13
Отношения со знакомыми, сотрудниками	23	20	19	22	23
Отношения в семье	31	30	28	30	32
Романтическая (сексуальная) жизнь	6	7	6	6	6
Собственное здоровье	14	12	13	13	14
Здоровье близких	12	10	11	13	14
Ничего из перечисленного	29	29	30	32	30

I—V — опросы, проведенные с 7 февраля по 10 марта 2000 г.

"Экспресс", N=1600 человек.

Таблица 20

Положение дел в каких областях более всего огорчает Вас в последнее время?
(в % от числа опрошенных в каждом опросе)

Вариант ответа	I	II	III	IV	V
На международной арене	6	8	9	8	7
Политическое положение в России	20	19	21	22	18
Экономическое положение в России	40	41	44	43	38
Положение в городе, районе	13	16	17	17	13
Военные действия в Чечне	48	39	36	44	44
Материальное положение семьи	46	44	41	44	44
Дела на работе (в учебе)	5	5	5	6	4
Отношения со знакомыми, сотрудниками	2	3	3	3	2
Отношения в семье	4	5	4	5	4
Романтическая (сексуальная) жизнь	2	7	2	2	2
Собственное здоровье	23	24	22	24	25
Здоровье близких	17	16	17	16	17
Ничего из перечисленного	4	4	6	4	5

I—V — опросы, проведенные с 7 февраля по 10 марта 2000 г.

"Экспресс", N=1600 человек.

своих квартирах (в американской версии надо говорить о городе и доме), т.е. в доме-квартире сосредоточены их заботы — радости — страхи — огорчения и прочее, на уровень большого дома (города) они выходят преимущественно в ситуациях общей беды, например пожара. Такое распределение сфер и типов интересов более всего характерно, видимо, для "советской" модели поведения с ее строгим разграничением элитарных (государственных, партийных, вершущих) и массовых, "обывательских" забот.

От эмоций к действиям: варианты и механизмы переходов. Главная и самая интригующая проблема социологического анализа эмоциональных состояний — в понимании их воздействия на поведение, на социально значимые действия людей. Ясно, что страхи, надежды, радости могут быть по-разному использованы и преодолены; вопрос в условиях и вариантах их реализации.

Может показаться, что проще всего оценить действие как будто заведомо "позитивных" факторов — чувств радости, удовлетворенности, которые стимулируют социальную или трудовую активность, преодоление препятствий и т.д. Но люди могут довольствоваться разными уровнями gratification, ограничивать свои притязания, воспринимать пассивное или даже "понижающее" приспособление к наличной ситуации как предел возможного успеха. Чтобы оценить значение отдельных эмоциональных реакций или сигналов (как "стимуляторов", так и "ингибиторов"), нужно принимать во внимание всю структуру социального действия, в рамках которой они функционируют.

Рассмотренные выше данные, касающиеся эмоций страха, позволяют сделать выводы не только о распространенности различных их типов, но и о различных способах их *преодоления или использования*. Как уже отмечалось, далеко не всегда привычное ("хроническое") состояние страха означает постоянные чувства психологической подавленности, тоски и т.п. Один из распространенных вариантов преодоления острого страха — превращение его в страх привычный, хронический, вытесняемый на периферию сознания, т.е. за пределы непосредственного напряжения, беспокойства. Так происходит, например, со страхом перед неотвратимыми событиями (смерть, природные катаклизмы). Но даже в этих ситуациях имеются варианты *пассивного* подчинения обстоятельствам и *активного* противодействия (борьба с болезнями, предупреждение наиболее опасных последствий стихийных бедствий, превентивные меры и т.п.). Аналогичная дилемма (сформулированная в монологе Гамлета) возникает практически в любой экономической или социальной ситуации. Любой хронический страх может вести либо к подчинению обстоятельствам, режиму, внешнему давлению и прочему, либо к активному противодействию.

В ситуациях *острого* страха ответными реакциями могут быть *паника* или *агрессия*, но также и мобилизация экстраординарных возможностей для *сопротивления*.

Как показывает опыт, и советская, и постсоветская действительность чаще всего стимулировали *пассивные* варианты преодоления социальных страхов (приспособление, привыкание, надежда на то, что "худшего не случится", и пр.).

Так, по данным исследования, проведенного в момент наибольшего обострения экономического положения и социально-психологической напряженности в России (сентябрь 1998 г., N=2400 человек), только 3% опрошенных указали, что угроза увольнения привела к большей сплоченности их трудового коллектива. Чаще всего упоминались такие явления, как отчужденность между людьми ("каждый за себя"), — 22%, самостоятельные поиски другой работы — 21, конфликты и борьба за сохранение рабочих мест — 17, поиски поддержки у начальства — 10%. Всего 2% отметили, что угроза безработицы побудила людей лучше работать, 3% — что работать стали хуже. Получается, что угроза безработицы вызывает преимущественно пассивные и малоэффективные реакции тех, кого эта угроза затрагивает.

Как мы видели (см. табл. 20), военные действия в Чечне беспокоят почти половину опрошенных, но эта реакция неоднозначна: чаще беспокоят длительность операции, потери, значительно реже — характер и политические послед-

ствия этой войны. Но и самое серьезное беспокойство не превратилось в сколько-нибудь значимые действия протеста.

Аналогично опасения относительно возможности новой диктатуры, чрезвычайных мер, нарушений прав человека и свободы прессы, возврата к массовым репрессиям не стимулировали движений в защиту демократических институтов.

Экологические страхи отодвинуты на обочину общественного интереса. Фактически мало кого волнует, что требования радиационной и прочей безопасности соблюдаются плохо, в том числе и на уровне массового поведения.

Это подтверждает, что наиболее важной проблемой является не столько существование в общественном мнении определенного набора "страхов", сколько неспособность общества находить активные варианты реакций на опасности. А точнее, неспособность элиты предложить обществу рациональные и активные варианты таких реакций.

Характер рассматриваемого материала — данные опросов общественного мнения — навязывают исследователям преимущественно "поведенческий" план анализа. Однако интерпретация и понимание того же материала в узкоповеденческие схемы не укладывается. Для понимания функций таких социальных эмоций, как страхи или радости, выражаемые в определенных социальных группах, недостаточно изучать только текущие массовые поведенческие реакции на внешние стимулы. Требуется принять во внимание действующие на различных уровнях механизмы институциональной "организации" таких реакций.

Страх, мобилизующий и легитимизирующий массовое ожесточение в последней "чеченской" ситуации, стимулирован скорее политически, чем психологически: это не непосредственная "массовая" реакция, а скорее акция политической верхушки, использовавшей массовую готовность поддаться требуемым настроениям.

История массовых фобий разного рода, в том числе отечественная, показывает, что действующим фактором в них служил не столько непосредственный страх перед какими-то (реальными или предполагаемыми) носителями зла, сколько страх быть причисленным к "врагам" и их пособникам, а потому оказаться жертвой репрессивных акций. Массовые страхи служили средством "негативной" консолидации политических и культурных элит тоталитарного общества.

Именно такие функции исполнял, например, пароксизм массового страха и массового доноительства во время "большого террора" 30-х годов; в более ослабленных вариантах аналогичный механизм действовал в ходе многочисленных кампаний "упорядочивания" политической и культурной элит вплоть до 80-х годов. Эмоциональный баланс обеспечивался принудительным ритуальным оптимизмом — от бодряще-маршевых песен и борьбы с "очернительством" до восторженного преклонения перед "гением вождя" (в позднейших вариантах — перед "мудрой партией" и т.д.).

В любых ситуациях устрашения, в том числе массового, самым устойчивым и в то же время лукавым оказывается страх интернализированный, проникший в структуру самоидентификации субъекта. Одно из проявлений такого "внутреннего" страха — боязнь разрушить привычный или сакрализированный образ, лишиться удобного средства самооправдания и т.д. Реакцией на череду политических и персональных разоблачений, происходивших на поверхности общественной жизни последнего полувека (после 1953 г.), у значительной части населения стало упорное стремление реставрировать хотя бы ограниченную зону непогрешимых авторитетов — с окружающим ее балансом публичных страхов и тихих радостей.